

© 1992 г., ЭО, № 4

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ СОВЕТ ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК В ИНСТИТУТЕ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН В 1991 г.

С января 1991 г. в Институте этнологии и антропологии РАН начал функционировать специализированный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в новом составе: председатель — д-р ист. наук В. А. Тишков, заместитель — д-р ист. наук М. В. Крюков, ученый секретарь — канд. ист. наук А. Е. Тер-Саркисянц, члены совета: чл.-кор. РАН С. А. Арутюнов, доктор ист. наук Л. Б. Алаев, В. А. Александров, Ю. В. Арутюнян, М. М. Громыко, М. Н. Губогло, А. А. Зубов, М. С. Кашуба, В. И. Козлов, А. Г. Козинцев, Г. Е. Марков, А. И. Першиц, П. И. Пучков, З. П. Соколова, Г. Л. Хить, д-р биол. наук А. В. Спицын, д-р геогр. наук С. И. Брук.

На девяти заседаниях совета было защищено восемь докторских диссертаций.

19 марта 1991 г. руководителем группы по изучению национальных отношений Отдела этнографии и искусствоведения Ин-та истории АН Молдовы В. Н. Стати была защищена диссертация на тему «Этноязыковые процессы в Молдавской ССР в зарубежном обществоведении (опыт изучения)». Официальными оппонентами выступили доктор ист. наук И. С. Гурвич, В. И. Козлов (Ин-т этнологии и антропологии РАН), д.и.н. В. Т. Ермаков (Ин-т истории России РАН) и акад. АН Молдовы А. М. Лазарев. Ведущее учреждение — Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН Украины.

Объект исследования диссертанта — более 200 работ иностранных авторов, в которых рассматриваются этноязыковые процессы в Молдове. Анализ этих исследований позволил В. Н. Стати определить несколько направлений в зарубежном обществоведении по данной проблематике. В частности, он подчеркнул, что в отличие от молдавских обществоведов зарубежные авторы активно изучают такие аспекты, как корреляция этнос — язык, языковое и национальное самосознание молдаван, сфера функционирования молдавского языка, межъязыковые отношения, ошибки и деформации в осуществлении национальной языковой политики, переломные события в истории Молдовы 1812, 1918, 1924 гг. и их последствия для культурно-языкового развития молдавского этноса и др. Зарубежные авторы, комментируя взаимодействие языков в Молдове, отмечают, что исторически обусловленная, объективная необходимость русского языка пропагандировалась в республике односторонне, без адекватного внимания к расширению социальной сферы молдавского языка.

Все оппоненты дали положительные отзывы о диссертации, подчеркнув ее несомненную актуальность. Вместе с тем они высказали некоторые пожелания. Так, И. С. Гурвич полагал, что следовало бы охарактеризовать сферу функционирования других языков и других наций, проживающих в Молдове; при аргументации вывода о преемственности этнического и языкового самосознания молдаван привести данные переписи 1989 г. По мнению А. М. Лазарева, вряд ли можно согласиться с соискателем относительно того, что зарубежные обществоведы искажали суть и характер этноязыковых процессов в Молдове, лишь «преследуя определенные научные цели», так как главная цель некоторых из них сводилась к тенденциозному подходу к этим процессам в республике. Сомнение оппонента вызвал также тезис В. Н. Стати о том, что определенная пассивность и инертность молдавских ученых привели к складыванию «научного приоритета зарубежных авторов» в исследовании ряда вопросов этноязыкового процесса в Молдавии. В. И. Козлову показалось не совсем удачным название диссертации, поскольку зарубежные ученые не употребляют русско-язычного термина «обществоведение» и относят себя к социологам, социолингвистам, социальным антропологам и т. п. Он отметил также нечеткость формулировок ряда дефиниций. По его мнению, в диссертации практически ничего не сказано о проблемах этногенеза молдаван, недостаточно аргументирована и самостоятельность молдавского языка, так как для этого необходим сравнительный анализ его в сопоставлении с румынским, отсутствующий в работе.

В «Заключении» ведущего учреждения отмечено, что диссертация В. Н. Стати представляет значительный опыт изучения и оценки зарубежных исследований этнонациональных процессов, убедительно доказывается, что на протяжении веков молдаване сохранили свой этноним и глотоним; важно предпринятое в работе преодоление стереотипов в изучении зарубежного обществоведения и определение степени готовности наших ученых воспринимать советологию как партнера в исследовании межнациональных процессов. В то же время заключение содержит ряд пожеланий диссертанту,

например: нуждается в уточнении классификации направлений в зарубежном молдавоведении; не учтены некоторые работы украинских ученых последнего времени; глава четвертая оставляет ощущение перенасыщенности фактами; работа выиграла бы, если бы привлекались результаты этносоциологических исследований, проводимых в этноконтактных зонах, например в Буковине.

Несколько замечаний и пожеланий содержалось в положительном, в целом, отзыве на автореферат диссертации заведующего отделом этнографии Ин-та этнографии и фольклора АН Молдовы чл.-кор. АН Молдовы В. С. Зеленчука, который считает, что автору следовало бы более четко определить свою позицию относительно дискуссии о «немарксистской» историографии, рассмотреть, хотя бы частично, и этнизм *румын*; желательно было бы шире привлечь данные этнодемографии.

Соискателю было задано несколько вопросов, в частности об отличительных этнических признаках молдаван, позволяющих противопоставлять их румынам, могут ли молдаване Румынии считаться субэтносом румынской нации; сколько времени занял бы процесс слияния молдаван с румынами, если бы произошло присоединение Молдовы к Румынии. Выступавшие во время дискуссии В. Е. Гросул и С. И. Брук говорили о большой научной значимости представленной работы и о высокой квалификации ее автора. В то же время Г. Л. Хить и М. В. Крюков высказали свое несогласие с некоторыми положениями диссертации. Так, по мнению Г. Л. Хить, некоторые выводы автора предопределены политической ситуацией в республике, поэтому можно считать, что работа выполнена под воздействием социального заказа. М. В. Крюков выразил сомнение относительно целесообразности включения в работу, защищаемую в наше время, речей руководящих деятелей КПСС и правительства СССР, тезисов о борьбе пролетариата, о воспитании «невосприимчивости к тенденциям западной пропаганды» и т. д. Он подчеркнул, что неясен смысл, который диссертант вкладывает в крайне неудачный, по его мнению, термин «этноязыковые процессы»; обратил внимание автора на то, что такой важной проблеме, как этногенез, тот посвятил всего одну страницу, не дав при этом ни одной сноски, и выразил также свое несогласие с использованной в работе классификацией, которая недостаточно отражает существенные характеристики изучаемых явлений.

В принятом членами специализированного совета заключении отмечено, что диссертация В. Н. Стати имеет научное значение для определения новых подходов к изучению зарубежного обществоведения, выявления в нем тенденций изменения отношения к национальным процессам в стране в целом и в республиках в частности. Практическая значимость вышедших за пределы страны научных работ определяется необходимостью знания комплекса идей и концепций, формирующих представления о нашей действительности за рубежом. Необходимость изучения зарубежного обществоведения определяет актуальность этой проблематики для характеристики и оценки современных национальных процессов в Молдавии.

При проведении тайного голосования присутствовавшие 15 членов специализированного совета проголосовали: за присуждение В. Н. Стати ученой степени доктора исторических наук — 11, против — 4, недействительных бюллетеней — нет.

16 апреля 1991 г. заведующим кафедрой всеобщей истории, деканом исторического факультета Карачаево-Черкесского гос. педагогического ин-та К. М. Текеевым защищена докторская диссертация на тему «Карачаевцы и балкарцы. Традиционная культура жизнеобеспечения». Официальными оппонентами выступили доктора ист. наук А. И. Першиц (Ин-т этнологии и антропологии РАН), В. Л. Егоров (Ин-т истории России РАН), А. И. Мусукаев (Кабардино-Балкарский гос. ун-т). Ведущей организацией был Кабардино-Балкарский НИИ истории, филологии и экономики.

Основной задачей работы, написанной главным образом на основе собранных автором полевых материалов, была характеристика жизнеобеспечивающей культуры карачаевцев и балкарцев, а также ее место в общем механизме их культурной адаптации к природной и общественной среде их жизни. В результате проведенного исследования диссертантом выявлено, что хозяйственно-культурный тип и сопряженная с ним традиционная материальная культура карачаевского и балкарского этноса в основе были однородны; хотя в хозяйственно-культурном типе на первом месте по практической значимости стояло скотоводство, тем не менее высокоразвитая агрокультура и высокая сакральность продуктов земледелия указывают на значительную роль, сыгранную в этногенезе балкарцев и карачаевцев автохтонным населением, имевшим древние земледельческие традиции.

Несмотря на существующие традиционные ограничения, в целом хозяйственно-культурный тип и комплекс средств жизнеобеспечения карачаевцев и балкарцев по приспособленности к местной среде и полноте использования ее ресурсов к концу XIX — началу XX в. находился на уровне, близком к оптимальному.

В положительных отзывах оппонентов были подчеркнуты глубина и добротность исследования, важность выводов, сделанных автором, имеющих значение не только для этнографии карачаевцев и балкарцев, но и для этнографической науки в целом. Говорилось о том, что работа по существу представляет собой настоящую энциклопедию материальной жизни карачаевцев и балкарцев и что она войдет в фонд ценных источников для специалистов-кавказоведов.

Вместе с тем оппоненты обратили внимание на некоторые неточности в работе, имеющие в основном частный характер, например на необходимость более четкого выделения иерархии блюд у карачаевцев и балкарцев, на преувеличение диссертантом возможности проникнуть в глубь веков с помощью памяти информаторов (А. И. Першиц); на некоторую архаизацию общественного строя и быта городского населения, на неточности в вопросах структуры патронимии и сущности поквартирного поселения (А. И. Мусукаев); на необходимость более четкой датировки ряда селений (В. Л. Егоров).

В «Заключении» ведущей организации было отмечено, что хотя проблемы формирования культуры карачаевцев и балкарцев, кавказских по физическому типу, тюркских по языку и сложных по этногенезу, давно привлекают внимание ученых, работ, которые более или менее глубоко раскрывали

бы их жизнедеятельность в прошлом, пока еще не было и потому диссертация К. М. Текеева, восполняя этот пробел в кавказоведческой историко-этнографической литературе, может быть оценена в целом как крупный вклад в проблему изучения традиционной культуры народов Северного Кавказа.

На автореферат диссертации поступили положительные отзывы канд. ист. наук К. Т. Лайпанова, д-ра филос. наук М. А. Хабичева, д-ра ист. наук С. А. Чекменова. Критических замечаний в отзывах нет.

Соискателю было задано несколько вопросов, в частности: какова степень адаптации карачаевцев и балкарцев к окружающей среде; почему раздел об одежде вынесен в приложение; каковы критерии определения жизнеобеспечения; что общего в этом плане между балкарцами, карачасцами и другими соседними народами; какая пища может помочь выжить в условиях голода в наши дни.

Высоко оценили представленную работу выступившие во время дискуссии д-р ист. наук Г. В. Цулая и канд. ист. наук Я. В. Чеснов. Выступивший затем В. И. Козлов, присоединившись к их мнению о научной значимости диссертации, отметил, что в работе недостаточно использованы уже имеющиеся методика и методология этноэкологических исследований, в частности отсутствует описание или хотя бы справки о географических условиях, в которых живут карачаевцы и балкарцы, об особенностях пиши по сезонам.

В принятом членами специализированного совета заключении отмечено, что диссертация К. М. Текеева имеет научное значение для понимания процессов культурной адаптации в высокогорных условиях Кавказа и характера форм внутриэтнического группового и межэтнического взаимодействия при выработке оптимальных форм материального приспособления к окружающей среде через полиморфизм компонентов культуры. Практическая значимость исследования определяется его высокой познавательной ценностью для дальнейших работ в области общего кавказоведения, а также для практических задач возрождения и развития экологически и экономически оправданных форм хозяйственного и культурно-бытового строительства в Карачае, Балкарии и других высокогорных регионах Кавказа. В заключении подчеркнуто, что развертывающиеся именно сегодня работы по созданию обобщающих трудов, характеризующих кавказскую историко-культурную область как целостность, а также процессы перестройки структур землепользования и природопользования горных регионов Кавказа, определяют высокую актуальность этой проблематики.

При проведении тайного голосования присутствовавшие 17 членов специализированного совета проголосовали: за присуждение К. М. Текееву ученой степени доктора исторических наук — 16, против — нет, недействительный бюллетень — 1.

21 мая 1991 г. старшим научным сотрудником Ин-та этнологии и антропологии РАН Н. А. Кр а с н о в с к о й была защищена докторская диссертация на тему «Этногенез и этническая история сардинцев». Официальными оппонентами выступили доктора ист. наук П. И. Пучков (Ин-т этнологии и антропологии РАН), В. Б. Ковалевская (Ин-т археологии РАН), Н. Д. Смирнова (Ин-т всеобщей истории РАН). Ведущей организацией была кафедра этнологии исторического факультета МГУ.

Цель исследования диссертанта — дать анализ целостного процесса формирования сардинской этнической общности. Обобщив огромный материал письменных источников, музейных экспонатов и научной литературы, диссертант пришел к такому выводу: длительное господством римлян коренные племена острова были вовлечены в тот же общий культурно-исторический процесс, что и население других регионов Европы, где впоследствии сложились романские этнические общности. Многовековое римское господство над Сардинией оставило глубокие следы в языке, обычаях и традициях островитян. Постепенно все народы и племена острова были романизованы. Латинский язык был для них языком-интегрантом. При византийцах произошло полное исчезновение языков местных обращенных в христианство горных племен Сардинии. На протяжении VIII—XI вв. покинутые византийцами сардинцы были вынуждены самостоятельно противостоять натиску арабов, что в конечном счете ускорило их консолидацию в единую этническую общность. Феодализация сардинского общества отличалась особенными чертами, анализу которых автор уделяет большое внимание. Заметные черты оставили в культуре сардинцев последующие завоеватели острова — генуэзцы, пизанцы, каталонцы, кастильцы, пьемонтцы. Наиболее продолжительным было влияние двух последних народов, относящееся к XIV—XVII вв. Однако сложившаяся в средние века сардинская этническая общность продолжала существовать и при завоевателях. В настоящее время сардинцы остаются изолированным островным этносом, сформировавшимся в сложной историко-социальной среде на базе большого количества этнокультурных компонентов.

На автореферат диссертации поступили положительные отзывы канд. ист. наук Л. М. Коваль, д-ра ист. наук Н. Н. Варварцева и чл.-кор. АН Молдовы В. С. Зеленчука, в котором содержалось пожелание диссертантке целесообразности выделить несколько этапов в процессе окончательного формирования сардинской этнической общности.

В положительных отзывах оппонентов было подчеркнуто, что диссертация представляет собой высококвалифицированное исследование, имеющее актуальное значение. В нем на основе сопоставления данных нескольких наук — археологии, этнографии, истории, лингвистики решаются проблемы, связанные с зарождением и развитием одной из самых специфичных общностей Европы — сардинцев. Показано, как долгий и сложный путь этнической истории островитян нашел отражение в их традиционной культуре, убедительно обосновывается право сардинцев на иерархический статус самостоятельного этноса. Однако П. И. Пучков высказал диссертантке упрек в том, что она не сочла нужным рассмотреть и подвергнуть критике существующую в зарубежной науке точку зрения, согласно которой сардинцы — не отдельный народ, а региональная группа итальянцев.

В «Заключении» ведущей организации подчеркнуто, что диссертация является первым в отечественной и зарубежной исторической науке комплексным исследованием, посвященным этногенети-

ческим и этнокультурным проблемам Сардинии. Представленная диссертация основана на изданной в 1986 г. монографии автора «Происхождение и этническая история сардинцев», но отличается от нее более обобщенной подачей материала, а также теоретическим анализом формирования сардинской этнической общности. Отмечено, что Н. А. Красновская характеризует историю сардинского этноса как длительный и сложный процесс, проходивший на территории с твердо зафиксированными границами. Вместе с тем картина этнического развития сардинцев дана не обособленно, а в тесном сплетении с историей народов соседних регионов, что делает исследование еще более ценным.

В принятом по диссертации спецсоветом «Заключении» подчеркнуто, что актуальность исследования состоит в выявлении в этническом развитии сардинцев общих закономерностей исторического процесса зарождения и формирования европейских этносов. Обобщение данных разнообразных источников и анализ целостного процесса формирования сардинской этнической общности можно рассматривать как модель при изучении специфики сложения других западноевропейских этносов. В этом — несомненный вклад диссертанта в разработку теоретических проблем этнологии.

Выступавшие во время дискуссии Л. Б. Алаев, С. А. Арутюнов, канд. ист. наук Н. Б. Тер-Акопян отметили важное научное значение диссертации для этногенетических исследований.

При проведении тайного голосования специализированный совет в составе присутствовавших 17 человек проголосовал: за присуждение Н. А. Красновской ученой степени доктора исторических наук — 17, против — нет, недействительных бюллетеней — нет.

4 июня 1991 г. старший научный сотрудник отдела этнографии Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН Беларуси В. С. Титов в защитил докторскую диссертацию на тему «Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов (XIX — начало XX в.)». Официальными оппонентами выступили: д-р геогр. наук С. И. Брук (Ин-т этнологии и антропологии РАН, г. Москва), д-р ист. наук А. С. Мыльников (НИИ и Музей антропологии и этнографии РАН, С.-Петербург), д-р ист. наук Г. В. Штыхов (Ин-т истории АН Беларуси). Ведущей организацией был Ин-т славяноведения и балканистики РАН.

В. С. Титов поставил перед собой цель рассмотреть традиционную материальную культуру белорусов как историческое образование и составную часть культурного ландшафта и на основе обобщающего сравнительного анализа выделить и обосновать региональные варианты — историко-этнографические регионы (XIX — начало XX в.). В результате scrupulous исследования автор выявил, что материальная культура белорусов имеет глубокие традиции, отражающие общие истоки и культурно-исторические взаимосвязи восточнославянских народов; что несмотря на внутреннюю целостность и компактность, белорусскую народную культуру характеризует существенное локально-вариативное многообразие, которое отражает ее адаптированность к местным условиям, свидетельствуя вместе с тем о жизнеспособности, большом творческом диапазоне ее носителей. Комплексный анализ разнообразных компонентов дал основание диссертанту выделить на территории Белоруссии в XIX — начале XX в. шесть историко-этнографических регионов, отражающих сложную историю формирования этнической территории белорусов, ее внутренних и межэтнических связей.

В положительных отзывах оппонентов было отмечено, что диссертация В. С. Титова, будучи плодом многолетних научных изысканий, является существенным вкладом в сравнительно-историческое и ареальное изучение белорусской народной культуры и имеет важное научно-теоретическое и практическое значение. При этом главное ее достоинство заключается в исследовании внутритерриториальных различий и попытке на их основе выделения историко-этнографических регионов Белоруссии. Основные замечания оппонентов свелись к следующим пожеланиям: необходимо показать влияние элементов культуры национальных меньшинств, в частности русских и поляков, на материальную культуру белорусов; каждую главу закончить выводами о географической локализации различных элементов культуры; дополнить историко-этнографический очерк (С. И. Брук); рассматривая материальную культуру как историческое образование, нельзя отрывать ее от духовного потенциала народа; важен анализ взаимодействия в Беларуси различных этнических групп (А. С. Мыльников); больше уделить внимания предпосылкам возникновения общих и региональных этнокультурных особенностей Беларуси (Г. В. Штыхов).

В «Заключении» ведущей организации было подчеркнуто, что рецензируемая работа, основанная на анализе широкого круга источников, носит новаторский характер, поскольку в ней впервые обобщены данные многих дисциплин, на основе чего выделяются историко-этнографические регионы Беларуси, что выполнена она на высоком научном уровне.

На автореферат диссертации поступили положительные отзывы доцента кафедры археологии, этнографии и вспомогательных дисциплин Гос. ун-та Беларуси канд. ист. наук М. Ф. Пилипенко, старшего научного сотрудника отдела археологии средневекового периода Ин-та истории АН Беларуси канд. ист. наук Т. Н. Коробушкиной. Замечаний они не содержали.

Высоко оценили диссертацию выступившие в дискуссии Л. Б. Алаев и В. А. Александров. Вместе с тем первый из них отметил, что, по его мнению, проблема историко-этнографических регионов должна решаться более широко, включая также и вопросы духовной культуры, что, по всей видимости, не менее сложное дело, чем изучение материальной культуры. Он также обратил внимание соискателя на некоторый налет белорусоцентризма в его работе, на неосторожное высказывание о том, что поляки в Беларуси — это окатоличенные белорусы (несмотря на их польское самосознание).

В связи с этим В. А. Александров подчеркнул, что этническая история Восточноевропейской равнины весьма сложна и что существующие ныне административные границы вовсе не совпадают с расселением этнических групп в том или ином регионе. Поэтому ученые не должны забывать о наличии здесь сложных субэтнических пограничных территорий, в частности о белорусско-польском и о белорусско-русском порубежьях.

В принятом членами специализированного совета «Заключении» подчеркивалось, что выявление локально-вариативного многообразия белорусской народной культуры и ее взаимосвязей дает возможность достоверной оценки многовекового наследия белорусов, его места в славянской и общечеловеческой культуре. Отмечена большая практическая значимость исследования, поскольку полученные результаты дают важные методические принципы и рекомендации, которые используются при изучении и систематизации этнографических и археологических памятников, организации выставок и музейных экспонатов. Выделенные автором шесть историко-этнографических регионов положены в основу экспозиционной структуры Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта (под открытым небом).

При проведении тайного голосования специализированный совет в составе присутствовавших 14 человек проголосовал: за присуждение В. С. Титову ученой степени доктора исторических наук — 13, против — нет, недействительный бюллетень — 1.

2 июля 1991 г. старшим научным сотрудником Ин-та этнологии и антропологии РАН Г. М. Афанасьевой защищена докторская диссертация на тему «Традиционная система воспроизводства нганасан (проблема репродукции обособленных популяций)». Официальными оппонентами выступили доктора ист. наук проф. К. И. Козлова (Московский гос. ун-т), З. П. Соколова (Ин-т этнологии и антропологии РАН), д-р биол. наук Ю. Г. Рычков (Ин-т общей генетики РАН). Ведущей организацией был Томский гос. ун-т.

Целью работы был ретроспективный анализ порядка репродукции в его взаимодействии с этносоциальными и историческими процессами. Объектами исследования явились обширный, протяженный во времени, имеющий возможности глубокого исторического зондирования генеалогический массив; корпус документальных источников за четыре столетия; номенклатура родства и комплекс традиционных брачных норм. Основные выводы диссертации сводятся к следующим положениям: главным элементом традиционной системы воспроизводства нганасан является соблюдение дистанции кровно-родственной близости, определяющейся общим предком в третьем восходящем поколении; историческая стабильность популяционно-генетических показателей и демографических характеристик нганасан свидетельствует о стремлении этой обособленной этнической группы к уравновешенному постоянству, демонстрируя тем самым известный запас пластичности ее репродуктивной структуры, не подвергшейся кардинальным изменениям вследствие преобразования внутренних принципов организации общности и сохранившей независимо от внешних воздействий отработанную систему соблюдения минимальной дистанции кровного родства в браках. Воссозданный генеалогический массив позволил уточнить некоторые весьма формализованные результаты методических приемов популяционной генетики (уровень инбридинга, в частности), обнаружив более широкий спектр кровнородственных связей, характеризующих общение полов в популяции.

В положительных отзывах оппонентов отмечается, что диссертацию в целом можно оценить как выдающееся и актуальнейшее исследование одной из фундаментальных проблем этнологии, выполненное на высоком научном уровне с применением собственных методических разработок и не имеющее аналогов в сибиреведении. В качестве пожеланий автору оппонентами были высказаны некоторые замечания. Так, по мнению К. И. Козловой, необходимо дать более цельное представление об исторической эволюции нганасанской семьи. В связи с предложенной автором гипотезой при объяснении некоторых явлений этнодемографического характера ей, сказала оппонентка, хотелось бы уточнить некоторые вопросы, в частности относительно положения женщин фертильного возраста, о причинах нерасширяющегося характера популяции при наличии четырех детей в семьях с оконченным репродуктивным периодом. Ю. Г. Рычков в ходе полемики с диссертанткой предложил следующее соображение: в исследовании проблемы воспроизводства этноса в отличие от чисто демографического процесса одинаково важно внимание и к тому, что же воспроизводится в результате его. Материалы диссертации позволяют заключить, что воспроизводится пока что в достаточной целостности этническое самосознание нганасан, которое все менее и менее опирается на их этнический генофонд, причем последний — и в этом суть полемики оппонента с диссертанткой — несет наибольшие потери в экстремальных условиях жизни нганасан. По мнению З. П. Соколовой, хорошо бы выявить причины массовой смены имен нганасанами в первой половине XVII в., а также истоки диспропорции в соотношении мужчин и женщин; средние данные рождаемости и смертности; желательна большая четкость в терминах, относящихся к социальной организации нганасан, их социальным группам, в понимании их соотношения друг с другом и изменений со временем. З. П. Соколова обратила внимание диссертантки на то, что у нганасан в их истории, в том числе социальной и этнической, есть не только отличия по ряду признаков с другими сибирскими народами, но немало и сходства.

В «Заключении» ведущей организации отмечается, что работа Г. М. Афанасьевой в этнографическом сибиреведении — первое исследование, посвященное указанной теме. Серьезной заслугой диссертантки является введение в научный оборот нового значительного круга источников, получивших глубокий источниковедческий анализ. Отличительная особенность и достоинство работы заключается в том, что в приложении дано описание генеалогических линий нганасан XVII—XX вв. и справочный аппарат к генеалогическим схемам. Многомерный статистический анализ и глубокое осмысление материала позволили автору сделать весьма значимые выводы не только в целом для сибиреведения, но и для теоретической этнографии.

Выступившая во время дискуссии Г. А. Аксянова отметила, что ученая, рассматривая авамских нганасан только как авамскую группу, недостаточно акцентировала внимание на том, что это лишь часть современного нганасанского этноса.

В. А. Тишков, подчеркнув особый интерес к выступлению Ю. Г. Рычкова как биолога, обратил внимание на важность проблемы соотношения между этническим сознанием и этническим генофондом при изучении того или иного этноса и самого феномена этничности.

В принятом членами специализированного совета заключении отмечается высокая информативная ценность работы для изучения форм воспроизводства, являющихся достаточно стандартными моделями. В социокультурном аспекте это исследование позволяет обозначить временную и пространственную структуру основы организации человеческого коллектива. Полученные результаты соответствуют практическим потребностям популяционной генетики в изучении относительно замкнутых человеческих популяций, медицинской генетики, служат практической подготовке полигона для антропологических инструментальных исследований, а также имеют большое прикладное значение для решения вопросов адаптации человека к экстремальной среде, что и определяет высокую актуальность разрабатываемой проблематики.

При проведении тайного голосования специализированный совет в составе присутствовавших 17 человек проголосовал: за присуждение Г. М. Афанасьевой ученой степени доктора исторических наук — 17, против — нет, недействительных бюллетеней — нет.

29 октября 1991 г. заведующим Отделом этнографии народов Средней Азии и Казахстана Ин-та этнологии и антропологии РАН В. Н. Басиловым была защищена докторская диссертация на тему «Исламизированное шаманство народов Средней Азии и Казахстана (Историко-этнографическое исследование)». Официальными оппонентами выступили акад. АН Таджикистана Б. А. Литвинский (Ин-т востоковедения РАН), чл.-кор. АН Туркменистана С. Г. Агаджанов (Ин-т истории РАН) и З. П. Соколова (Ин-т этнологии и антропологии РАН). В качестве ведущего учреждения был Ин-т истории АН Казахстана.

В диссертации ученый поставил перед собой цель провести сравнительное исследование шаманства у народов названного историко-культурного региона с тем, чтобы выяснить, разработке каких теоретических проблем этнографической науки может способствовать рассмотрение среднеазиатско-казахстанского материала.

В основе исследования лежат главным образом полевые материалы автора. Использованы разнообразные сведения, содержащиеся в печатных изданиях, а также архивные данные, музейные экспонаты и их описания.

Важен вывод автора о том, что шаманство народов Средней Азии и Казахстана представляет собой единое историко-культурное явление. В нем выделяются два варианта, которые генетически связаны с культурными традициями двух основных этнических групп — ираноязычного и тюркоязычного населения региона. В Средней Азии и Казахстане представлена поздняя стадия шаманства, закономерная для его существования в условиях полного господства монотеистической религии. Шаманство здесь подвергалось основательной исламизации. Получив мусульманскую окраску, шаманские традиции в свою очередь оказали заметное влияние на религиозную жизнь местного населения. Шаманство может быть правильно понято только, если его рассматривать в контексте особенностей культуры. В основе деятельности шаманов лежат сложившиеся в древности культурные стереотипы (традиции), которые обнаруживаются в обрядовых атрибутах и действиях, в призываниях, в образах духов, в проявлениях «шаманской болезни», в формах повседневного и ритуального поведения шаманов. Оценка шамана как «ненормального» (психически больного и т. п.) несостоятельна; он «нормален» и здоров в такой степени, что способен осуществлять свою ритуальную деятельность в соответствии с ожиданиями окружающих.

В положительных суждениях оппонентов было отмечено, что диссертация не только полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, но и превосходит их. Это первый капитальный труд, в котором изучено шаманство всех народов огромного региона. Впервые среднеазиатско-казахстанские материалы были рассмотрены в свете теоретических проблем исследования шаманства.

Оппонентами был высказан и ряд пожеланий. Б. А. Литвинский призвал диссертанта к большей осторожности в попытках установить этимологию отдельных слов (например, слова «дивань» в имени жужанской шаманки, в котором автор вслед за Л. Н. Гумилевым видит термин «дивана»). По мнению Б. А. Литвинского, было бы целесообразно в диссертации привлечь более широкий круг работ по таким темам, как идеология суфизма, взаимодействие суфизма с шаманством, религия скифов, шаманство народов Гиндукуша. Он подчеркнул, что следовало уделить больше внимания шаманским традициям в религии древних иранцев. С. Г. Агаджанов отметил, что диссертант напрасно не уделит внимания реконструкции шаманства древних тюрков; по существу вопрос о шаманстве древних тюрков разрабатывается в каждой главе и в приложениях. З. П. Соколова предложила привлечь сведения о струнных инструментах у шаманов обских угров — эти сведения усилят выводы диссертанта о древних истоках традиции применения смычкового инструмента шаманами кочевых и полукочевых народов региона.

В «Заключении» ведущего учреждения дана высокая оценка диссертации — итога многолетней работы ее автора. Даже выбор темы диссертации говорит о солидной профессиональной подготовке автора: чтобы взяться за такую тему, исследователь должен владеть языком хотя бы одного из народов региона, иметь опыт полевой работы, знать местный быт и освоить хотя бы основную литературу по шаманству, исламу и истории религии в целом. Исследование вводит в научное обращение широкий круг фактов и идей, способствующих пониманию сущности шаманства как универсального явления в истории человечества. Вместе с тем было указано, что позиция диссертанта в отношении функции шаманства в такой структуре традиционного общества, как потестарно-политическая, представляется не совсем ясной.

Были оглашены положительные отзывы на автореферат диссертации д-ра ист. наук А. Оразова, кандидатов ист. наук А. Союновой (Ин-т истории АН Туркменистана) и Д. Д. Васильева (Ин-т востоковедения РАН).

Диссертант был задан вопрос, наблюдаются ли в Средней Азии фамилия преемственности в шаманстве (д-р ист. наук Г. Л. Хитъ). В. Н. Басилов рассказал о традиции преемственности и предложил объяснять ее, исходя из особенностей общественной структуры. Другой вопрос (д-р ист. наук Л. Б. Алаев) касался ранних стадий в развитии шаманства. В. Н. Басилов ответил, что попытался проанализировать эту проблему в книге «Избранники духов»; в задачу диссертации эти проблемы не входили.

Выступившие во время дискуссии доктора ист. наук Б. Х. Кармышева, Г. М. Керимов, М. В. Крюков и канд. ист. наук Т. Ташбаева говорили о важном научном значении диссертации, о широте научных интересов ее автора.

В принятом членами специализированного совета «Заключении» подчеркнуто, что диссертация В. Н. Басилова представляет собой первое монографическое исследование исламизированного шаманства и вносит существенный вклад как в этнографическое изучение шаманства в среднеазиатско-казахстанском регионе, так и в разработку теоретических вопросов религиоведения. Практическая значимость работы определяется возросшим интересом нашего общества к истории религии. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания и распространения научных знаний.

При проведении тайного голосования специализированный совет в составе присутствовавших 18 человек проголосовал: за присуждение В. Н. Басилову ученой степени доктора исторических наук — 17, против — нет, недействительных бюллетеней — 1.

10 декабря 1991 г. старшим научным сотрудником Ин-та этнологии и антропологии РАН Ю. А. Рапопортом была защищена докторская диссертация на тему «Религия древнего Хорезма», представленная в виде научного доклада по совокупности опубликованных работ.

Официальными оппонентами выступили акад. АН Таджикистана Б. А. Литвинский (Ин-т востоковедения РАН), доктора ист. наук А. И. Першиц (Ин-т этнологии и антропологии РАН) и Г. А. Федоров-Давыдов (МГУ).

Работы Ю. А. Рапопорта, обобщенные в диссертации, основываются на материалах, полученных Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Диссертант стремился дать возможно более полную характеристику религии древнего Хорезма, для чего потребовалось проследить этнические и исторические процессы, способствовавшие ее формированию и развитию, сопоставить письменные и археологические источники с данными этнографии и религиоведения. В результате проведения исследований впервые удалось осветить такие важные стороны рассматриваемой темы, как космогонические представления хорезмийцев, их пантеон, культовые постройки и помещения и, наконец, своеобразные погребальные обычаи.

Официальные оппоненты высоко оценили научные труды соискателя. Они отметили, что оригинальные исследования автора в области истории, археологии, художественной культуры и религии Средней Азии стимулировали работы других ученых, привлекли особое внимание этнографов, исследующих реликтовые верования народов Средней и Центральной Азии.

Вместе с тем у оппонентов был ряд замечаний к тексту доклада или по ранее опубликованным работам. Так, Б. А. Литвинский отметил, что в статье о космогонических представлениях хорезмийцев недостаточно всесторонне раскрыта семантика образов грифона и павлина; при рассмотрении одного из святилищ Топрак-калы не приведены среднеазиатские параллели сцене «морского триумфа». А. И. Першиц указал на известную нечеткость временных рамок исследования, а также выразил сомнение в том, что богиню Ардвисуру Анахиту могли изображать с ребенком. Г. А. Федоров-Давыдов не согласился с предположением о том, что мусульманский михраб может быть как-то связан с иранской религиозной традицией.

В положительном «Заключении» ведущего учреждения указано, что в докладе нет ни одной «проходной» фразы, все положения обоснованы соискателем в его специальных исследованиях. Помимо обзора источников и историографии вопроса научный доклад содержит четыре раздела, в каждом из которых рассмотрена та или иная важная сторона религии древнего Хорезма. Все эти темы проникнуты общей идеей и взаимно дополняют друг друга, представляя в целом религию одной из стран среднеазиатского региона. Вместе с тем в отзыве содержатся два критических замечания: о недостаточной осторожности при использовании теофорных имен для реконструкции религиозной ситуации и о том, что не только Хорезм или Систан, но и все страны Восточного Ирана и Средней Азии могут претендовать на роль родины Заратуштры. В «Заключении» отмечено также, что научный доклад Ю. А. Рапопорта обобщает результаты его многолетних исследований духовной культуры государства, существовавшего в низовьях Амударьи. Работы, им опубликованные, являются ценным вкладом в историю культуры народов Средней Азии, приближая к решению некоторых спорных вопросов религиоведения. Практическая значимость работ Ю. А. Рапопорта определяется возможностью использования их материалов и выводов в книгах и учебниках по этнической, политической и культурной истории народов Средней Азии и сопредельных стран. Некоторые произведения древнего искусства, которые были найдены, восстановлены и исследованы ученым, обогатили коллекцию ряда музеев. Монография «Топрак-кала. Дворец» послужила научной основой проекта реконструкции этого выдающегося памятника истории и культуры, около которого сейчас создается музейно-туристический комплекс.

При проведении тайного голосования присутствовавшие 16 членов специализированного совета проголосовали: за присуждение Ю. А. Рапопорту ученой степени доктора исторических наук — 16, против — нет, недействительных бюллетеней — нет.

17 декабря 1991 г. старшим научным сотрудником Абхазского НИИ истории, языка и литературы им. Д. Гулиа АН Грузии М. М. Хашба защищена докторская диссертация на тему «Народная музыка абхазов и ее кавказские параллели. По музыкально-этнографическим материалам». Официальными оппонентами выступили доктора ист. наук Н. М. Майсурадзе (Ин-т истории и этнографии

им. И. Джавахишвили АП Грузии), Б. Х. Бгажноков (Кабардино-Балкарский ИИИ), П. И. Пучков (Ин-т этнологии и антропологии РАН). Ведущая организация — Тбилисский гос. ун-т им. И. Джавахишвили. В диссертации раскрыты историко-этнографическая основа происхождения абхазской народной музыки, показаны основные этапы ее становления и развития, выявлены и классифицированы жанры. Ученый рассмотрел стилистические особенности абхазской народной музыки и исследовал ее взаимосвязи с музыкальным фольклором народов Западного Кавказа.

В положительных отзывах оппонентов был подчеркнут большой вклад работы как в этномusicоведение, так и в историко-этнографическое кавказоведение. Вместе с тем в них содержались некоторые замечания и пожелания. Так, Б. Х. Бгажноков предложил более четко классифицировать жанры героических песен, а также углубить культурологический анализ проблем бытового функционирования музыкального фольклора. П. И. Пучков отметил, что имеющиеся в диссертации материалы позволят автору сделать дополнительные выводы, касающиеся этногенетических связей абхазов с нахскими народами Кавказа.

В «Заключении» ведущей организации было отмечено, что работа М. М. Хашба, выполненная на высоком научном уровне, поможет при изучении ряда проблем этнографии народов Кавказа. Одновременно высказано пожелание о целесообразности разграничения интонационных особенностей абхазских и осетинских народных песен, а также передачи абхазских текстов и терминов в международной транскрипции.

На автореферат диссертации поступили отзывы канд. искусствоведения И. С. Белосветовой (Киевский гос. ин-т культуры), д-ра ист. наук Ю. И. Кораблева (Московский гос. педагогический ун-т), канд. ист. наук В. П. Яковлева (Казанская гос. консерватория), д-ра филол. наук З. М. Габуния (Кабардино-Балкарский гос. ун-т). В целом положительные, они содержат, однако, ряд пожеланий. В частности, были высказаны вопросы о половозрастной и социальной дифференциации при исполнении обрядовых жанров абхазского фольклора.

По диссертации развернулась активная дискуссия. Венгерский ученый П. Вереш остановился на большом значении этномusicоведческих материалов для познания этногенеза и этнической истории народов. С. А. Арутюнов высказал предположение, что распространенный в строго ограниченном этническом абхазо-адыгском и западнокавказском ареале песенный припев уарада имеет связь с фактом гибели легендарного Редеди. Я. В. Чеснов указал на ряд историко-этнографических параллелей, имеющих в музыкальном быту народов Кавказа. Ю. И. Кораблев говорил о значении этнографического подхода к исследованию политической истории человечества. Д-р ист. наук Б. А. Калоев указал на ряд абхазо-осетинских параллелей в музыкальном фольклоре. Б. Х. Бгажноков еще раз подчеркнул значение изучения духовной культуры малочисленных народов и, обратившись к коллегам, сказал о той роли, которую может сыграть профессиональная деятельность этнологов в деле защиты культурных и политических интересов этих народов.

В принятом членами специализированного совета заключении отмечено, что диссертация М. М. Хашба, являясь первым масштабным исследованием народного музыкального фольклора конкретного этноса, имеет существенное значение для историко-этнографического кавказоведения. Созданная на стыке этнографии и музыковедения, работа вновь убедительно продемонстрировала перспективность и большие эвристические возможности пограничных субдисциплин, а методика, примененная соискателем, обогатила теорию этномusicоведческих исследований.

При проведении тайного голосования спесцов в составе присутствовавших 15 человек проголосовал: за присуждение М. М. Хашба ученой степени доктора исторических наук — 14, против — нет, недействительных бюллетеней — 1.

Таким образом, проведенный выше анализ защищенных в ИЭА РАН в 1991 г. диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук свидетельствует о широком диапазоне научных интересов отечественных этнографов — от проблем этногенеза и этнической истории до современных этнокультурных процессов. По-прежнему больше внимания уделялось изучению традиционных форм культуры, главным образом материальной, а также религии. Особо следует отметить исследования, подготовленные на стыке этнографии и других наук, в частности археологии, антропологии, музыковедения. Разнообразна и «география» соискателей — от Молдовы и Беларуси до Абхазии и Карачаево-Черкесии. Думается, что для дальнейшего плодотворного развития нашей науки чрезвычайно важно и в будущем сохранить прежнее единое «научное пространство», каковы бы ни были новые политические границы между республиками бывшего Союза.

А. Е. Тер-Саркисянц